Ко второму году обучения в Академии, как и предсказывал Арато, ее начальный класс сократился вдвое.

Из оставшихся учеников дети клана потеряли только одного, потеряв Сарутоби из-за болезни, которая была хоть и не смертельной, но все же слишком изнурительной, чтобы ее хозяин мог остаться. Все сироты остались, но остался только один человек, который был в заднем ряду к середине семестра, и только четверо в четвертом ряду, в результате чего у них остался 26-й класс, и они быстро объединились с пятым классом. , которые из первоначальных 47 потеряли 27 студентов. Таким образом, общее количество объединенных классов было увеличено до 46, но многие из них были неузнаваемы для Сакуры. По крайней мере, Сэнсэй все еще был их учителем — другому был назначен один из новых классов.

Сакура перестала смотреть на воспоминания Арден. Она пыталась дважды, после похорон Каэде, но каждый раз видела ужасающие вещи, нарисованные так, словно это было развлечением, поэтому она отошла прочь.

К сожалению, ее разум все еще устремлялся вперед. Конечно, она не то чтобы все еще впитывала воспоминания – у нее было достаточно контроля, чтобы не допустить этого – но Сакура все еще взрослела гораздо быстрее, чем ей следовало бы, намного быстрее, чем ей когда-либо хотелось.

Осень принесла заявление Хокаге. Прошло восемь лет после Мировой войны, и Сандайме Хокаге решил, что пришло время переехать в более мирную деревню. Сразу же детям будет разрешено отложить поступление в Академию до восьми лет вместо обычного шестилетнего возраста. Четыре из 36 академий, разбросанных по всей стране, также будут полностью закрыты, а сэкономленные деньги пойдут на улучшение здравоохранения синоби. И было еще кое-что: студентам Академии теперь будет разрешено сдавать выпускной тест три раза вместо двух, прежде чем он окончательно провалится, продвижение по службе на поле боя будет не поощряться, генины увидят больше миссий, основанных на «сообществе»…

Всего этого, конечно, в речи не было. Хотя он произнес почти часовую речь об эпохе процветания, в которую они теперь, несомненно, вступили, большинство изменений не были «официально» объявлены, а только немедленно претворены в жизнь. Фактически, Сакура узнала о большинстве из них только благодаря своей матери и говорящим генинам (первый из которых был весьма признателен за повышенное внимание к выживанию, в то время как второй был более чем расстроен неожиданным увеличением количества собак). пешеходные миссии.)

Странно, подумала Сакура, было то, что они жили в мире вот уже около восьми лет. Она знала, что Конохе было 16, когда закончилась Мировая Война, а теперь Конохе было 24. Она задавалась вопросом, что вызвало внезапную перемену.

Новый учебный год также принес изменения в поведение Сакуры. Шимура, решила она, достаточно долго сохранял свое господство террора, и, возможно, у нее не было физических навыков, чтобы победить его, но Яманака никогда по-настоящему не полагался на эти навыки, чтобы довести дело до конца.

Прежде всего, она стала приглашать к себе за стол других, тех, кого больше всего травили. Сюда входили многие сироты из их первоначального класса, а также множество новых учеников из другого класса, а также несколько гражданских детей и детей, рожденных шиноби.

Она также начала медленно, медленно заставлять своих сверстников сомневаться в том, действительно ли его мнение имеет значение — он ни в чем не был лучшим бомбардиром, так почему же он вел себя так, как будто им нужно его одобрение, чтобы сказать им, хорошо ли у них дела?

Она также тыкала и подталкивала учеников — тихо и нежно — просить других о помощи, тренироваться дома, просматривать тесты. Она учила примером и учила вопросами. Она не преподавала по приказу, потому что знала, что никто не будет слушать четырехлетнюю девочку, и потому, что ей не особенно хотелось, чтобы кто-то за пределами ее команды понимал, что она делает.

Конечно, это не означало, что ее действия остались совершенно незамеченными — многие другие дети были сбиты с толку как ее внезапной экстраверсией, так и ее желанием взаимодействовать с теми, кто с большей вероятностью бросил учебу. Ясуо, в частности, смотрел на нее со странной смесью подозрения и благодарности, хотя она подозревала, что последнее было больше связано с тем, что он снял с себя часть давления, чтобы помочь своим собратьям-сиротам, чем с чем-либо еще.

Предприятие, конечно, продвигалось медленно, но по мере того, как один месяц переходил в другой, она клялась, что видит прогресс, видит, как ее одноклассники ведут себя менее угнетенно, чем раньше.

Еще одной замечательной особенностью второго года обучения в Академии было то, что она меньше напоминала гражданскую школу. В первый год почти все, чему их учили, относилось к информации, которую мог использовать каждый — как читать и писать, как выполнять простые математические расчеты, отрывки из истории и величия Конохи значили больше для патриотического роста, чем что-либо еще… единственная часть, по-настоящему ниндзя. Большую часть дня занимали уроки физкультуры, и даже требования для перехода на второй год обучения едва ли превышали требования Яманаки перед поступлением в Академию.

Хотя эта закономерность в основном сохранялась на второй год, было два исключения. Прежде всего, они начали обучение простому оружию и тайдзюцу — первое из которых заключалось в обучении метанию предметов разных размеров, второе — наблюдение за поединками детей старшего возраста, когда их критиковали. В стенах классной комнаты уроки тоже изменились: они стали меньше посвящены чистой информации и больше ориентированы на информацию, которую они будут использовать после окончания учебы - например, математическая задача может спросить, когда ниндзя, который начал с 30 кунаями и использовал их со скоростью два в секунду следует переключиться на прямое тайдзюцу, учитывая, что во время переключения им нужно было двое в руках и двое в качестве запасных?

Они также начали узнавать о чакре, о том, как выжить в лесу, как распознавать простые болезни и травмы, о простых жестах руками для передачи различных сообщений и о более подробном описании истории Конохи.

По сравнению с прошлогодним упором на умножение и понимание прочитанного, дни Сакуры значительно улучшились (даже несмотря на то, что класс по-прежнему двигался слишком медленно, на ее взгляд).

Отношения в команде Чинмоку также улучшились. Пока все еще было почти совершенно тихо, Сакура начала постепенно узнавать о разочаровании Джуро из-за того, что его игнорируют как самого младшего, о его беспокойстве по поводу двух смертей, которые уже произошли с его братьями и сестрами, о его желании обеспечить безопасность всех и вся. Она также начала

узнавать о Шине и о ночах, которые он проводил без сна, страдая бессонницей, от которой нет лекарства, особенно в клане вечных спящих. Она узнала о его богатом воображении и о том, как он часто несколько дней терялся в историях без начала и конца, пока внезапно не возвращался в реальность.

В свою очередь, они узнали о проблемах Сакуры с ее чувствами, о ее детских занятиях, об отсутствии у нее четкого направления на будущее и ее страхах за то, что хранит их мир. Они узнали о том, как ее жизнь изменилась, навсегда изменилась после времени, проведенного в белой комнате, и как ей теперь стало труднее открыться и не чувствовать беспокойства.

Она не рассказала им об Ардене.

Больше ничего скрыть она не пыталась.

Однако одной из самых важных вещей, которые принес второй год обучения в школе, был Абураме.

Теперь в ее классе их было двое. Один был относительно нормальным, хотя и слишком одетым, и даже более тихим, чем чинмоку. Другой…

Бокусо был одним из самых высоких в своем классе, ему было всего шесть лет, но он уже был выше большинства, кому было семь, а некоторых и восемь. Он также был одним из самых жутких: насекомые постоянно ползали по любой открытой коже, его афро-волосы закрывали половину лица, создавая грубое жилище для некоторых из его жуков, и в целом жуткое поведение, которому не способствовала его привычка казаться без предупреждения позади человека, чьего внимания он хотел.

Сакура, возможно, была немного влюблена.

Она определенно была в восторге.

Ей потребовалось время до ноября, чтобы выяснить, какая у него любимая еда — свежий ананас, редкий деликатес в их стране. Лишь в декабре Джуро смог заполучить некоторые из них, хотя ни он, ни остальные чинмоку не знали, откуда их взял его старший брат.

Как только все было на месте, троица устроила засаду на жуткого мальчика.

«Ты загнал меня в угол перед уроком», — сказал Бокусо. «Причина проста: вы хотите подкупить меня, чтобы я запугал Шимуру. Я приму: я согласен, что его поведение бесполезно», - он протянул руку, и Джуро поставил банку с фруктами. Все четверо кивнули друг другу и вошли в класс.

Они были на уроке математики, когда Шимура начал шевелиться. Его нога покачнулась, и он начал оглядываться по сторонам, вместо того чтобы смотреть урок. Его колено ударилось о столешницу, привлекая внимание Сэнсэя.

— Что-то не так, Шимура?

— Нет… нет, сэр, — сказал Шимура. Его внимание оставалось плохим до конца класса, и во время второго обеденного перерыва он исчез на улице, где весь класс мог видеть, как он прыгает и бегает, как сумасшедший, по снегу. В течение целой недели после этого он вел себя так, как будто съел слишком много сахара, становясь все более неспособным сидеть спокойно и концентрировать внимание и тщетно пытаясь высвободить энергию всякий раз, когда у них

был какой-либо перерыв. Однако Бокусо действительно освободил его от всего, что он сделал после этого - в конце концов, цель заключалась не в том, чтобы навредить образованию Шимуры, а просто сбить с толку мнение его и его друзей о нем на несколько колышков и заставить Сэнсэя активно дисциплинировать его, что единственная неделя прошла безупречно.

.

Февраль чудесным образом вернул Тоу-сана.

Ужин, как обычно, был беспорядочным, шумным и полным помех, но в назначенное время все успели высказать свои истории.

Учитывая, что у Рена теперь была своя семья, а Саюри все еще была на миссии, а об Аой уже много лет не было слышно, а Каэде была… и Камуи тоже уехал, первыми из оставшихся шестерых, кто смог заговорить, были двойняшки. Как они и предупреждали несколько месяцев назад, они по необъяснимым причинам бросили учебу, вместо того чтобы сдавать экзамены, и теперь рассказывали Тоу-сану о прекрасной работе, которую нашли в чайном домике. Никто не задавался этим вопросом, хотя Сакура видела, что остальные ее братья и сестры были так же сбиты с толку, как и она.

Аяме пошел следом. Сейчас ей было восемь лет, и она все еще очень хотела стать первой женщиной на передовой Яманака. Она объяснила, что стала слоняться по тренировочным полям Акимичи и просить помощи во всем, от Тайдзюцу до Ниндзюцу и оружия. Сакура с готовностью призналась, что она быстро совершенствуется во всем, что задумала, даже несмотря на то, что из лекций Каа-сан она знала, что ее навыки в классе не совсем на должном уровне.

Следующим был Фуджио, семилетний, все еще такой же эгоистичный, хотя он только что вернулся после пары месяцев отсутствия. Он был одним из лучших в своем классе, и хотя казалось, что ему никогда не удастся выйти из пятерки лучших, его партнерша Нара — девушка, которая ненавидела саму идею быть вторым — в настоящее время была лучшей куноичи.

Кохана, с другой стороны, прекрасно проводил время, не будучи ниндзя, и постоянно запоминал каждый цветок, проданный в цветочном магазине Яманаки.

И вот настала очередь Сакуры.

«А как насчет тебя, мой маленький вишневый цвет?» — спросила Тоу-сан, но прежде чем она успела ответить, Фудзио прервал ее напевным голосом, призванным раздражать.

«Сакура влюблена!»

"Не!"

«Сделай тоже!»

— Не надо! И вообще, откуда ты знаешь? Сакура огрызнулась.

«Разве ты не знаешь, что двоюродный брат моего партнера Кансея — Шин?» Фудзио выстрелил в ответ.

«Фудзио, я думаю, настала очередь Сакуры говорить», — сказал Каа-сан.

— Я больше не хочу, — надулась Сакура.

— Сакура, — обеспокоенно сказал Каа-сан.

«Хорошо. Не знаю… с большей частью моего класса все в порядке, я думаю… Мне нравится моя команда… У меня все хорошо в классе…»

Тоу-сан рассмеялся. — Посмотрим, в хорошем ли у тебя настроении завтра, хорошо?

Новый год принес с собой возросшую независимость, а вместе с ней и возросшую ответственность. Сакура теперь регулярно осуществляла поставки многим членам своей семьи, а также ей разрешили исследовать определенные улицы, если она делала это с Шином и Джуро. Ее возросшая независимость принесла с собой возможность заработать деньги, и вскоре они втроем собрали достаточно денег, чтобы заплатить за набор пустых тетрадей, подробные учебники уровня генинов и чуунинов и абонементы в библиотеку для них всех.

Шин, конечно, сосредоточился прежде всего на литературном мире. За несколько недель он набросал двенадцать разных рассказов. Книга, которую он выбрал, была своего рода руководством по использованию образов в литературе, и теперь он экспериментировал с тем, как использовать определенные методы для вызова мыслей, а не прямого их изложения.

Джуро, напротив, сосредоточился в первую очередь на медицине. Его учебник был безумно длинным (и дорогим), в котором подробно описывалось все, что на данный момент известно об анатомии, а его блокнот был заполнен подробными заметками о каждой отдельной травме, болезни и биологических изменениях, с которыми сталкивался кто-либо в любой из их семей.

Сакура сама выбрала учебник, посвященный общедоступным исследованиям и общепринятым в настоящее время методам, и он был увлекательным во многих отношениях — в том, как он совпадал с воспоминаниями Арден, в чем он отличался и в огромном количестве тем, которые он охватывал. Ее блокнот в основном использовался для того, чтобы научиться писать по-английски и делать заметки о воспоминаниях Арден, чтобы их снова не забыли.

За исключением записной книжки Сакуры (которая она объяснила просто попыткой создать свой собственный код), вся их информация свободно передавалась между ними.

К дню рождения Сакуры их работу начали замечать. Несколько членов клана ковырялись вокруг, давая ей советы о том, как составить код, и в этот момент она почувствовала, что ей придется создать его только для того, чтобы было что показать.

Джуро тоже начали активно разыскивать как больные, так и те, кто работал в медицинской сфере, и он, очевидно, проявил неестественный талант в получении любых соответствующих знаний, которые ему давали. Хотя прошло много-много лет, прежде чем его пригласили в больницу — даже посмотреть — его постоянно хвалили за такой ранний интерес, и его мать также начала обучать его приготовлению здоровой пищи, как для Акимичи, так и для Акимичи. и более типичные физиологии.

Что касается Шина? Что ж, теперь он отвечал за рассказы всех своих юных кузенов. Хотя он в основном ограничивался опубликованными книгами или хорошо известными рассказами, постоянное давление помогло ему высказать несколько своих рассказов для бдительных ушей. Нара, хотя в целом и был довольно тихим кланом, казалось, делал все возможное, чтобы позволить этой его части процветать, даже если взрослые никогда ничего не говорили напрямую.

Однако любимая часть года для Сакуры пришлась на выпускные экзамены. Они, конечно, были у них прошлым летом, но простые занятия означали, что они вообще не могли считаться испытанием, и из детей клана только Инузака получили менее чем высший балл по академической части, и это было больше из-за скуки, чем из-за отсутствия понимания. Хотя Сакура не так хорошо справлялась со своими одноклассниками в физической части, как и в умственной, она также была намного моложе остальных учеников своего класса и в четыре года не могла добиться такой координации, как они; Тем не менее, стандарты все еще были достаточно низкими, чтобы она могла получить высший балл.

В этом году?

Только шесть учеников получили высший балл по письменному, одной из них была Сакура. Что касается физической части, хотя за пять лет она получила тело, которое было в среднем на два года меньше, чем у ее одноклассников, оно теперь было почти таким же гибким, и постоянные тренировки, и Джуро проводил много времени, просматривая свою книгу по анатомии. любые советы позволили ее счету впервые достичь верхней четверти класса (хотя она подозревала, что его ценность быстро уменьшится по мере того, как они перейдут к тайдзюцу и силовым занятиям).

Более важными были результаты Шимуры.

«Риото Симура» занял 26-е место из оставшихся 112 студентов. Годом ранее он был пятым и не очень хорошо перенес падение.

На самом деле, это было слишком сильное преуменьшение.

«Я сказал , перепроверьте меня! Я не могу набрать такой низкий балл!» - отрезал Шимура.

«Я не делаю ошибок», — сказал сэнсэй Масару.

«Я не 26-й », — он выплюнул рейтинг, как проклятие. «Я ожидал, что мой рейтинг повысится, а не упадет. Должно быть, это какая-то ошибка!»

Сэнсэй нетерпеливо вздохнул. Сакура не могла понять, почему он еще не наказал его. «В этом году письменный тест существенно увеличился по длине, сложности и диапазону. То же самое произошло и с физическим тестом — он больше не проверяет исключительно здоровье, но теперь охватывает такие разнообразные навыки, как гибкость, сила, дыхательная выносливость, выносливость, координация, скорость, баланс, точность, ловкость… проще говоря, этого уже недостаточно, чтобы добиться успеха. Теперь вы должны быть превосходны».

«Но я знаю, что я в пятерке лучших в этом классе! Вы не отдаете мне должного!»

Сенсей моргнул. «Есть еще два класса. Кроме того, ты не в пятерке лучших в классе. Ты в первой десятке».

Шимура собирался сказать что-то еще, когда на него упала тень, и все одноклассники, которые не так тайно наблюдали, подняли головы.

— Хватит, Риото.

«Тоу-сан!» Шимура ахнул.

Эти двое исчезли. На следующий день (последний день занятий) Шимура вернулся гораздо

более уравновешенным одноклассником и сразу же начал извиняться перед сенсеем Масару и заверять его, что он понимает, что это его собственная ответственность - улучшить свою оценку. Оставшуюся часть дня Шимура изо всех сил старался не взаимодействовать ни с кем из своей бывшей банды и предпринимал активную попытку поговорить с детьми клана, которая не увенчалась успехом - Сакура, возможно, была единственной, кто активно пытался это сделать. остановить его, но это не означало, что его действия были одобрены.

Черт, даже Учиха с ним не разговаривали и никогда не проявляли ни малейшего интереса к остальному классу.

Окончание второго года обучения Сакуры в Академии было ознаменовано еще одним опросом. В отличие от первого года обучения, где главным вопросом было то, какая профессия им интересна, в этом году главной целью было записаться на дополнительные занятия на следующий год. Каждому ребенку дали листок бумаги, на котором он мог записать свою идеальную карьеру, а другому дали список возможных курсов и инструкции на выбор двух.

Чинмоку единогласно и молча согласился, что они нарушат традицию своего клана: никто не будет посещать одни и те же занятия. В конце концов, они довольно хорошо учились друг у друга, и было бы лучше получить как можно больше информации.

Джуро пошел первым, выбрав базовую медицинскую подготовку и стратегию боя. Тогда Шин пошел, выбрав себе дипломатию и допрос. Тогда Сакура выбрала криптографию и фуиндзюцу. Они опять же первыми вернули свои документы. Позади них (потому что теперь они были в первом ряду) другая троица Ино-Шика-Чо — по прозвищу Зацуон — не поняла, что можно разделиться на факультативные курсы, и теперь ругала друг друга в отчаянная попытка добиться своего.

В общем, Сакура с нетерпением ждала третьего курса, поскольку, судя по всему, это был первый год обучения по-настоящему ниндзя.

http://tl.rulate.ru/book/96215/3289482